

Королева
Бедрана

Часть первая

МАСОЧНИК

ГЛАВА 1

Сказано: чем клясть темноту, лучше зажги свечу. Однако летом 1702 года в городе Нью-Йорке без проклятий не обошлось, ибо свечи были малы, а темнота велика. И пускай за порядком на улицах следили констебли и караульные, где-то между Док-стрит и Бродвеем эти герои ночи нередко теряли присутствие духа в битве с Джоном Ячменное Зерно и прочими соблазнами, о коих нашептывал им столь бесстыдно летний бриз, несший хохот гуляк из портовых трактиров и упоительный аромат духов из розового дома Полли Блоссом.

Иными словами, ночная жизнь в Нью-Йорке была ключом. И хотя еще до рассвета город просыпался под прилежный звон купеческого и фермерского труда, многие его жители предпочитали посвящать часы ночного отдыха питию спиртного и азарту, а также прочим безобразиям, каковые порой сопутствуют этим нерадивым братьям-близнецам. С восходом солнца, бесспорно, наступал новый день, однако ночь таила в себе немало искушений. Зачем же сему дерзкому и ретивому городу, некогда выхоленному голландцами, а ныне облюбованному англичанами, более дюжины трактиров, как не для веселых возлияний в доброй компании?

Впрочем, молодой человек, сидевший в одиночестве за столиком в дальнем зале «Старого адмирала», компании не искал — его не интересовало ни общество людей, ни общество дрожжей пивовара. И пусть пред ним стояла кружка крепкого темного эля, к которой он по временам прикладывался, то был лишь реквизит, необходимый для создания правдивого образа. Если бы кто присмотрелся, как он пьет, то непременно заметил бы, что он при этом гримасничает и морщится: старо-

адмиральский горлодер мог спокойно глотать лишь человек с поистине железным желудком. Нет, юноша не был тут завсегдатаем, отнюдь. Куда чаще его видели в трактире «Рысь да галоп» на Краун-стрит, а не здесь, в двух шагах от Большого Дока на Ист-Ривер, где стонали и перешептывались мачты кораблей, покачивающихся на ночных течениях, а в водоворотах атели отсветы факелов с рыбацких лодок. Здесь, в «Старом адмирале», в свете керосиновых ламп вился голубой дымок из глиняных трубок, стены оглашали крики посетителей, требующих еще вина и эля, а по столам пистолетными выстрелами гремели игральные кости. Звук этот неизменно напоминал Мэтью Корбетту о другом выстреле, что вышиб мозги... не важно кому, это произошло три года назад; незачем предаваться воспоминаниям о столь давних событиях.

Ему было всего двадцать три, но выглядел он старше. Вероятно, лет ему добавляло суровое выражение лица, выправка или же умение предсказывать непогоду по ломоте в костях, подобно тому как делают это беззубые старики, шамкающие над миской с пудингом. Или, если точнее, по ломоте в левом плече и ребрах под самым сердцем — кости эти ему некогда пересчитал медведь по кличке Одноглаз. Тот же медведь наградил Мэтью шрамом в виде полумесяца, который начинался прямо над правой бровью и уходил под волосы. Однажды в Каролине ему сказали, что женщин впечатляют боевые шрамы, вот только этот шрам служил женщинам скорее предостережением: мол, юноша вступил в опасную схватку со Смертью, и та оставила печать могильного холода в его сердце. После встречи с медведем левая рука почти год не слушалась Мэтью, и он уже смирился с мыслью, что рабочим у него будет только правый борт. К счастью, в Нью-Йорке ему попался толковый врач, приверженец нетрадиционных методов лечения, подвергший его больную руку курсу ежедневных пыточных упражнений с использованием железного прута и подков. В результате оных занятий, всевозможных прогреваний и растяжек случилось чудо: одним прекрасным утром Мэтью сумел покрутить левой рукой, и после дальнейших процедур силы вернулись к ней в полной мере. Так канул в забвенье один из последних

подвигов Одноглаза на грешной нашей земле, медведя ныне покойного, но, безусловно, не забытого.

Взгляд холодных серых глаз с темно-синими крапинками — словно дым над костром в сумерки — то и дело сам собой притягивался к столику в противоположном конце зала. Мэтью старался, впрочем, не смотреть слишком пристально, а лишь поглядывал искоса и вновь утыкался в кружку с элем, передегивал плечами и косился опять. Едва ли уловки эти имели смысл; только слепец и глупец не догадался бы о его присутствии, а назвать слепцом и глупцом оное воплощение истинного зла язык не поворачивался. Воплощение зла говорило, ухмылялось и прикладывалось выпяченными губами к грязному стакану с вином, пускало колечки дыма из черной глиняной трубки, потом вновь говорило, вновь ухмылялось, и все это время шла игра, и какие-то подозрительные личности с пистолетным треском бросали на стол игральные кости и вопили так, будто задумали застращать своими криками солнце и не дать ему утром взойти на небо.

Однако Мэтью знал: нет, не доброе расположение духа, не спиртное и не пыл азарта в трактирах молодого города, стоящего грудью к морю и спиной к дремучим лесам, породили сие безудержное веселье. Причина — То-О-Чем-Не-Говорят. Несчастный случай. Ужасное событие.

Дело рук Масочника.

Так осушайте свои кружки да требуйте еще, подумал Мэтью, посылайте дымные кольца хоть на Луну. Войте волками и скальтесь по-разбойничьи, ибо всем нам сегодня еще возвращаться домой темными переулками.

А ведь любой из них может быть Масочником, рассуждал Мэтью. Или убийца давно ушел восвояси и больше не вернется — кто знает? Уж точно этого не знают болваны, называющие себя констеблями, которым городские власти поручили следить за порядком на улицах. Все они тоже наверняка сидят теперь по кабакам, хотя на улице тепло и половинчатая луна светит ярко; болваны-то они болваны, да, но не дураки.

Мэтью хлебнул еще эля и вновь бросил взгляд на дальний столик. Табачный дым висел в воздухе голубой пеленой, кото-

рая слегка подергивалась от движений воздуха. За столиком сидело трое. Один — пожилой, тучный, заплывший жиром, двое — помоложе и с совершенно бандитскими рожами. Впрочем, здесь, в «Старом адмирале», одни бандиты и собирались, так что удивляться было решительно нечему. Однако этих молодчиков он видел в обществе толстяка впервые. Одеты были по-деревенски, оба в белых рубашках и изрядно потертых кожаных жилетах, у одного на прохудившихся коленях штанов кожаные заплаты. Кто ж вы такие, гадал Мэтью, и по какому делу явились к Эбену Осли?

Изредка Мэтью ловил на себе мимолетный взгляд черных сверкающих глазок Осли; в ту же секунду толстяк в белом парике отворачивался и продолжал вести беседу с двумя молодчиками. Со стороны было не догадаться, что юный Корбетт — с ликом тонким и бледным, словно озаренным пламенем свечи, и копной непокорных черных волос — был в некотором роде крестносец, чей поход мало-помалу, ночь за ночью, превращался в болезненную одержимость. В коричневых башмаках, серых бриджах и простой белой сорочке с потрепанным воротником и манжетами, но тщательно выстиранной и накрахмаленной он выглядел ровно так, как подобает простому секретарю мирового судьи. Судья Пауэрс, безусловно, не одобрил бы его еженощных вылазок, однако Мэтью ничего иного не оставалось: самым заветным и сокровенным его желанием было увидеть Эбена Осли на городской виселице.

Вышеупомянутый Осли отложил трубку и пододвинул к себе лампу. Его собеседник слева — темноволосый, лет на девять-десять старше Мэтью, с глубоко запавшими глазами — говорил тихо и серьезно. Осли, толстомордый боров пятидесяти с лишним лет, внимательно его слушал. Наконец он кивнул и полез в карман своего вычурного бордового сюртука — сорочка натянулась на жирном брюхе, заколыхались кружевные оборки жабо. Белый парик Осли украшали туго завитые, напудренные букли, — быть может, в Лондоне это было модно, но здесь, в Нью-Йорке, так мог вырядиться только распоследний франт. Осли достал обмотанный бечевкой карандаш и черный блокнот размером с ладонь — его Мэтью видел уже

не впервые. На обложке было какое-то золотое тиснение. Быть может, Осли испытывал к ведению записей такую же болезненную страсть, как к ломберу и триктраку: обе эти игры давно завладели его разумом и кошельком. Мэтью, улыбаясь едва заметно, представил себе, что может быть нацарапано на страницах блокнота: «Сегодня опростался на славу... а нынче утром выдавил в ведро лишь пару фиг... боже мой, сегодня и того меньше — жалкую горошину». Осли послунил грифель и принялся писать. Набросал три-четыре строчки — по крайней мере, так показалось Мэтью, — после чего блокнот был закрыт и спрятан в карман, за ним последовал и карандаш. Осли вновь заговорил с темноволосым. Второй молодой человек, коренастый блондин, глядевший по-бычьему из-под тяжелых медленных век, наблюдал за идущей в углу шумной игрой в карты — бон-эйс. Осли ухмыльнулся, и его зубы ярко сверкнули в желтом свете лампы. По проходу между Мэтью и объектом его интереса начала проталкиваться пьяная компания. В этот самый миг Осли и его спутники встали и потянулись за висевшими на крючках шляпами. На треуголке толстяка красовалось алое крашеное перо; у темноволосого с кожаными заплатами на бриджах была широкополая кожаная шляпа, а у третьего джентльмена — простой картуз с коротким козырьком. Все трое направились к трактирщику оплатить счет.

Мэтью ждал. Когда монеты отправились в ящик для денег, а трое вышли на Док-стрит, он сам надел коричневый парусиновый картуз и встал. Голова несколько кружилась: забористый эль, клубы табачного дыма и пьяный гвалт сделали свое дело. Он быстро расплатился и выскочил на улицу.

Ах, какое облегчение! После жары и духоты трактира легкий ветерок веял прохладой. «Старый адмирал» неизменно оказывал на Мэтью такое действие. Ему было не впервой следить тут Осли, мог бы и попривыкнуть, да только приятный вечер в его представлении выглядел совершенно иначе: бокал хорошего вина, тихая беседа за шахматной доской с кем-нибудь из завсегдатаев «Галопа»... Он втянул едкую вонь дегтя вперемешку с тухлой рыбой и тут же учуял запах совсем иного рода: Эбен Осли имел обыкновение душиться

тяжелым гвоздичным одеколоном, прямо-таки купался в нем. Аромат был столь узнаваемый, что с тем же успехом Осли мог всюду носить с собой факел и проливать тем самым свет на свои перемещения по городу. Темной ночью запах гвоздики здорово бы выручил его преследователя, однако сегодня в подобном подспорье не было нужды: Осли и его спутники, по видимому, никуда не спешили. Когда они прогулочным шагом миновали фонарный столб на пересечении Док- и Брод-стрит, Мэтью увидел, что они держат путь на запад и сейчас повернут на Бридж-стрит. Хм, необычный маршрут! Осли, как правило, шел шесть кварталов на север — прямым к сиротскому приюту на Кинг-стрит. Лучше держаться поодаль, решил Мэтью. Лучше идти тихонько следом и наблюдать.

Он был худ, но не хрупок и шагал широко, то и дело сбавляя ход, чтобы не уткнуться в спины преследуемым. На смену запахам Большого Дока пришли крепкие ароматы сена и скота. В этой части города располагались конюшни и загоны для свиней и коров, а на складах хранилось в бочках и ящиках все необходимое для скотоводства и судоходного дела. То и дело Мэтью замечал за ставнями контор и конюшен промельк свечи: там кто-то ходил. Не слушайте, если вам кто говорит, будто жители Нью-Йорка по ночам только спят да кутят. Иные трудились бы круглые сутки, если б достало сил.

Мимо процокала по булыжной мостовой лошадь; на всаднике блестели начищенные сапоги. Мэтью увидел, как Осли и его спутники на следующем углу свернули направо, на Бродвей, рядом с домом губернатора, осторожно повернул туда же. Троица прогулочным шагом одолела еще квартал. Мэтью обратил внимание, что на верхнем этаже белокирпичного губернаторского дома, за стенами форта Уильяма Генри, горит свет. Его новый обитатель, лорд Корнбери, прибыл из Англии всего несколько дней назад. Мэтью пока губернатора не видел (и никто из его знакомых тоже), но по городу были расклеены объявления о завтрашнем собрании в ратуше, на котором господин, коему королева Анна вручила бразды правления Нью-Йорком, должен будет явиться публике. Хорошо, что у города появится правитель, рассуждал Мэтью, ведь в рядах констеблей

царит полный разброд, а предыдущий мэр, Томас Худ, в июне скончался.

Красноперый попугай и его спутники приближались к очередному трактиру под названием «Терновый куст» — в этом местечке играли по-крупному во всех смыслах этого слова. В минувшем ноябре Эбен Осли спустил здесь в карты целое состояние, Мэтью сам был тому свидетель. Нет, на сегодня кабаков с него хватит. Пускай Осли с приятелями упьются до смерти, коли им так надо, а ему пора домой и спать.

Однако трое миновали вход в «Терновый куст» и внутрь даже не заглянули. Когда Мэтью поравнялся с дверью, оттуда вывалилась хихикающая парочка: изрядно подгулявший юноша (в свете фонарей Мэтью признал в нем Эндрю Кипперинга) и чернокудрая девица с ярко накрашенным лицом. Они прошли мимо и направились в сторону пристани. Кипперинг был довольно известный адвокат, и со временем из него даже мог бы выйти толк, если б он не злоупотреблял спиртным и не наведывался так часто к мадам Блоссом.

Осли со товарищи свернул на Бивер-стрит и вновь пересек Брод-стрит, направляясь на восток — к реке. Тут и там на углах стояли фонари; кроме того, по закону в каждом седьмом доме должен был гореть свет. За ближайшим забором из белого штaketника неистово лаял пес, и издалека доносился ответный собачий лай. Вдруг из-за угла резко вывернул человек в треуголке с золотой каймой. Мэтью успел даже перепугаться, но человек коротко кивнул и зашагал дальше, постукивая тростью по вымощенному кирпичом тротуару.

Стараясь не упустить Осли из виду и при этом не наступить в конский навоз, который лежал и на мостовой, и на тротуарах, Мэтью несколько ускорил шаг, проводил взглядом телегу с одиноким сгорбленным кучером на козлах и свернул в узкий проулок между двух белокаменных стен. Впереди, в свете умирающего уличного фонаря, компания Осли повернула направо, на Слоут-лейн. Здесь в начале лета случился пожар, уничтоживший десяток домов. Запах гари и пожарища до сих пор стоял в воздухе, мешаясь с гвоздикой и вонью свиньи, по которой давно плакал вертел. Мэтью остановился

и осторожно выглянул из-за угла. Преследуемые исчезли из виду, скрылись где-то между потемневшими деревянными домами и приземистыми надворными постройками. Впереди чернело пепелище. Фонарь на углу мерцал из последних сил. По шее Мэтью пробежал морозец, и он резко обернулся. Позади, в неровном свете того самого фонаря, стоял человек в темной одежде и шляпе. Мэтью не очень хорошо знал эти места и вдруг с ужасом понял, что забрел слишком далеко от дома.

Человек просто стоял и разглядывал Мэтью, однако его лица под треуголкой было не различить. Сердце бешено заколотилось в груди. «Если это Масочник, без боя не дамся. Кулаки у меня крепкие, — думал Мэтью. — Ну-ну, умник, — усмехнулся он тут же своим мыслям. — Всем известно, что кулаки — лучшая защита от острого клинка».

Мэтью хотел окликнуть таинственного незнакомца. Но что сказать? Какая славная ночь, самое время для приятной прогулки? Не соблаговолите ли пощадить мою жизнь? Внезапно человек развернулся и, покинув царство света, решительно ушел во тьму. Мэтью облегченно, с шипением выдохнул. На висках выступила холодная испарина, а сам он преисполнился неразумной ярости и мысленно начал клясть себя на чем свет стоит: разумеется, это не Масочник! Нет и нет! Может, констебль или обыкновенный прохожий, вот как он сам. Да только он, Мэтью, — не обыкновенный прохожий. Он — овца, напавшая на след волка.

Осли и его спутники исчезли. Бесследно. Вопрос теперь заключался в следующем: пойти дальше по этой пропахшей гарью улице или вернуться туда, где его, вероятно, поджидает Масочник? Да хватит же, идиот! То был не Масочник, ведь Масочник давно сбежал из Нью-Йорка! С чего бы ему до сих пор рыскать по этим улицам? А с того, мрачно подумал Мэтью, что его до сих пор не поймали, вот с чего.

Он все-таки решил пойти дальше, но краем глаза посматривал назад: как бы от ночи не отделился кусок тьмы и не кинулся в атаку. Не прошел Мэтью и десяти шагов, как тьма действительно зашевелилась — только не позади, а прямо впереди него.

Он замер точно вкопанный, весь превратился в пустую оболочку — кровь и дыхание покинули его в один миг; летняя ночь внезапно стала зимней.

Вспыхнула искра, от нее занялся трут в маленькой трутнице, а от трута зажглась спичка.

— Корбетт, — сказал некто, раскуривая трубку, — раз уж ты устроил за мной слежку, я, так и быть, дам тебе аудиенцию. Ничего другого мне не остается, верно?

Мэтью не ответил; он совершенно утратил дар речи — язык будто отсох.

Эбен Осли не торопясь раскуривал трубку, сладко попыхи-вая дымом. Он стоял у обгорелой кирпичной стены, на обрюзгшем лице вспыхивали красные отсветы.

— Какой ты все-таки удивительный юноша, — сирым фальцетом проговорил Осли. — Трудишься целыми днями, гнешь спину над бумажками да глиняными горшками, а по ночам ходишь за мной по пятам. Позволь узнать, когда же ты спишь?

— Сплю когда-то, — ответил Мэтью.

— Я бы на твоём месте больше отдыхал. Да, пожалуй, пора устроить тебе полноценный отдых. Как считаете, мистер Карвер?

Слишком поздно Мэтью услышал шаги за спиной. Слишком поздно заметил двух спутников Осли, прятавшихся за кучами обугленного мусора по обе стороны от...

Удар доской пришелся прямо по затылку, разом положив конец всем его размышлениям и наблюдениям. Он показался невероятно громким — местные стражи порядка наверняка приняли его за пушечный выстрел... В следующий миг Мэтью полетел наземь, а перед глазами завертелись огненные колеса, рассыпающие снопы искр. Упав на колени, Мэтью приложил все силы, чтобы не растянуться плашмя посреди улицы. Зубы ломило, голова шла кругом. Сквозь туман до него дошло, что Осли нарочно устроил эту увеселительную прогулку — дабы заманить его в западню.

— Полно, полно, — говорил толстяк. — Нам пока ни к чему его убивать. Ну что, Корбетт, котелок теперь варит?

Голос его доносился, точно эхо, откуда-то издалека... Ах, если бы! Что-то тяжелое опустилось ему на спину. Сапог! Один из прихвостней Осли решил припечатать его к земле.

— Оставь его, — безучастно обронил Осли. Сапог исчез. — Никуда не денется. Верно, Корбетт? — Ответа он дожидаться не стал — да и не дождался бы. — Знаете, кто этот молодой человек, друзья? Он ведет за мною слежку почти... сколько, Корбетт? Два года?

Два года? Пожалуй, да — только первые полтора следил как попало, подумал Мэтью. А вот в последние шесть месяцев уже взялся за дело решительно.

— Этот юноша был одним из моих дражайших воспитанников, — продолжал Осли, теперь уже посмеиваясь. — Да-да, он вырос в приюте! Надо сказать, что на улице его подобрал не я, а мой предшественник — Стаунтон. Старый дурак увидел в нем юное дарование, понимаете ли. Хотел превратить беспризорника в образованного юношу! Книжки подсовывал, делал из него... кого он из тебя делал, Корбетт? Дурака себе под стать? — Он весело продолжал гнуть свою линию. — И ведь наш замарашка далеко пошел! О да! Нанялся к мировому судье Айзеку Вудворду, а тот назначил его своим секретарем, вывел оборванца в свет. Дал ему возможность продолжить образование, научиться жить, как и подобает джентльмену, принося пользу людям! — Осли ненадолго умолк, вновь закурил и продолжал, попыхивая трубкой: — А потом, друзья, наш герой предал благодетеля: спутался с какой-то бабой — убийцей, бродяжкой и плутовкой, — которую обвинили в колдовстве! Дело было в каролинской глуши. Баба охмурила нашего юнца и свела в могилу благородного судью Вудворда, упокой Господь его душу.

— Ложь, — сумел вымолвить, а точнее, прошептать Мэтью. Затем он предпринял вторую попытку: — Наглая... ложь!

— Он, что ли, говорит? — удивился Осли. — Открыл рот?

— Пробубнил чего-то, — ответил стоявший за спиной Мэтью головорез.

— Пускай себе бубнит, — сказал толстяк. — В приюте он только и делал, что бубнил да бормотал. Не так ли, Корбетт? На твоём месте я тоже бормотал бы — если б загубил своего

благодетеля. Надо же, сперва едва не свел старика в могилу, вытащив его на улицу в бурю, а потом разбил ему сердце предательством! Скажи на милость, как тебе удалось втереться в доверие к судье Пауэрсу? Иль подружка-ведьма научила тебя ворожке?

— Если он и умеет ворожить, — произнес другой голос, — сегодня ему это не поможет.

— Нет, — сказал Осли, — ничего он не умеет. Иначе давно потрудился бы и стал невидимкой, а не мозолил бы мне глаза всякий раз, как я выхожу на улицу. Корбетт!!!

Этим окриком он попытался привлечь все внимание Мэтью; показать, что он его слушает, юноша мог лишь одним способом — с трудом приподняв свой пульсирующий от боли череп. Он заморгал, пытаясь сосредоточить взгляд на гнусной физиономии Осли.

Директор сиротского приюта для мальчиков на Кинг-стрит, пузатый хлыщ и попугай, с тихим презрением произнес:

— Я знаю, что у тебя на уме. Всегда знал. Когда ты сюда вернулся, я сразу понял, что ты задумал. И ведь я тебя предостерегал, помнишь последний вечер в приюте? Или забыл? Отвечай!

— Не забыл, — произнес Мэтью.

— Никогда не затевай войну, в которой у тебя нет шансов на победу. Кажется, так я говорил?

Мэтью не ответил. Он весь сжался в ожидании сапога, но его пощадили.

— Этот юноша... мальчик... болван, — поправился Осли, обращаясь к своим спутникам, — решил, что не одобряет моих методов воспитания. Сколько я видел несчастных мальчиков, сколько тяжелых судеб! Часто эти дети подобны диким зверям — для иных и хлев слишком хорош! Зазеваешься — они тебе или руку оттяпают, или ногу обоссут! Таких ежедневно приводят ко мне из церкви, из городской больницы. Родители их погибли в пути, никто не желает брать ответственность — и что прикажете с ними делать? У одного всю семью индейцы вырезали, второй — упрям и ленив, третий с юных лет пьет и живет на улице! Что прикажете с ними делать, как не дисциплинировать? Да, я многих брал в ежовые рукавицы. Мно-

гих дисциплинировал самым суровым образом, ибо они не желали слушать...

— Это не дисциплина!.. — перебил его Мэтью, сияясь говорить как можно громче и уверенней. Лицо его покраснело, в глазах, под распухшими веками, сверкал гнев. — Ваши методы... а ну как о них прослышат церковь и больничный совет?.. Станут ли благодетели и дальше жертвовать приюту деньги?.. Да и городские власти не захотят вас содержать. Вы перепутали дисциплину с содомией!

Осли молчал. В тишине казалось, что время прекратило бег и мир остановился.

— Я слышал по ночам их крики, — продолжал Мэтью. — Почти каждую ночь. И я их видел... потом. Многие даже жить не хотели. Во всех до единого что-то сломалось. А ведь вы выбрали только самых маленьких, тех, кто не даст отпор... — Слезы жгли ему глаза. Даже спустя восемь лет он не мог совладать с чувствами, так они были сильны. Мэтью набрал побольше воздуха в легкие, и слова вырвались сами собой: — Значит, я дам отпор за них, мерзкий ты шакал!

Трескучий смех Осли огласил темноту.

— Ох-хо! О-хо-хо! Друзья, вы только взгляните на этого ангела возмездия! Смотрите, как он потешно сучит ручонками! — Толстяк подошел ближе. В алом отсвете трубки, омывшем его лицо, Мэтью увидел лик столь ужасный, что и архангел Михаил бы испугался. — Меня от тебя тошнит, Корбетт! Эта твоя тупость и мерзкая честь — с души воротит, ей-богу! Путаешься у меня под ногами, проходу не даешь, надеешься мне насолить! Ты ведь этого хочешь? Спустить на меня всех собак? Для этого ходишь за мной по пятам, а? Раз до сих пор ходишь, знать ничего у тебя нет, ничегошеньки! А если б было что-то, кроме нелепых догадок да ложных воспоминаний, ты давно натравил бы на меня покойного судью Вудворда или своего нового пса — Пауэrsa! Разве я не прав? — Голос его вдруг переменялся. Осли заскрипел, как брюзгливая старуха: — Черт, вляпался из-за тебя!

И после раздумчивой тишины:

— Мистер Бромфилд, будьте любезны, подтащите-ка сюда Корбетта.

Одна рука схватила Мэтью за шиворот, другая — за сорочку на пояснице. Головорез, которому переносить тела явно было не впервой, быстро и решительно потащил его к Осли. Мэтью напрягся и попытался дернуться, однако могучий кулак — принадлежавший, видимо, Карверу — незамедлительно напомнил его ребрам, что гордость доводит не до добра, а до переломов.

— Душа у тебя грязная, Корбетт, — сказал Осли, обдав его запахами табака и гвоздики. — Недурно бы ее слегка почистить. Начнем, пожалуй, с лица. Мистер Бромфилд, будьте так добры.

— Всегда к вашим услугам, — ответил головорез, державший Мэтью. С дьявольским наслаждением он схватил его за волосы и впечатал лицом в засиженную мухами кучу конского навоза, куда только что угодил сапог Осли.

Мэтью понял, что сейчас произойдет. Он успел только стиснуть зубы да зажмуриться, а в следующий миг лицо его погрузилось в кучу «яблок». Причем омерзительно свежих, как успел отметить Мэтью аналитической частью ума, не утратившей еще способности трезво оценивать происходящее. Навоз был прямо-таки бархатистый. Даже теплый. Как будто на лицо надели бархатный мешок. Ноздри моментально забились, но Мэтью задержал дыхание: воздух неподвижно стоял в легких. Спротивляться он не стал, даже когда ему на голову наступили сапогом, так что нос зарылся в навозную кучу по самую мостовую. Осли и его прихвостни хотели, чтобы Мэтью сопротивлялся, — тогда его можно сломать. И потому сопротивляться он не будет, нет, пусть воздух уже рвется из легких, а лицо по-прежнему зарыто в вонючее месиво под окаянными сапогом. Он до последнего будет лежать без движения, чтобы в другой раз, уже стоя на ногах, сражаться лучше.

Осли скомандовал:

— Подымайте.

Бромфилд повиновался.

— Карвер! Сделай так, чтобы он вдохнул.

Верзила открытой ладонью с размаху хлопнул Мэтью по груди. Воздух вырвался у него изо рта и ноздрей, разбрызгивая навоз.

— Черт! — взревел Карвер. — Он мне рубаху загадил!

— Ну так отойди, отойди. Дай ему как следует насладиться своим ароматом.

Мэтью пришлось втянуть воздух. Ноздри по-прежнему были забиты навозом. Он коркой запекся на лице, точно болотная жижа, и пах тошнотворно — прелой травой, гнилым кормом и... иными словами, свежим навозом только-только из-под коня. С трудом сдержав рвотный позыв, Мэтью попытался вытереть глаза, но сзади его держал Бромфилд — ручки у него были крепкие, как пиратский швартов.

Осли коротко, истошно хохотнул:

— Да вы гляньте! Не благородный мститель, а пугало! Такой рожей только стервятников пугать, Корбетт!

Мэтью фыркнул и изо всех сил потряс головой; увы, некоторое количество гадкого кушанья все же просочилось сквозь плотно поджатые губы.

— Ладно, отпускайте, — сказал Осли.

Бромфилд выпустил Мэтью и тут же хорошенько толкнул в спину — тот снова растянулся на земле, а когда с трудом поднялся на колени и вытер наконец глаза, Осли встал над ним и тихо, со смесью угрозы и скуки в голосе, произнес:

— Больше ты за мной ходить не будешь, ясно? Заруби это себе на носу, не то в следующий раз так легко не отделаешься. — Затем он обратился к остальным: — Что ж, полагаю, можно оставить молодого человека наедине с его размышлениями?

Последовал характерный звук — кто-то собирался смачно харкнуть. В следующий миг жирный плевок приземлился Мэтью на левое плечо: Карвер (или Бромфилд?) напоследок продемонстрировал свои манеры. Затем раздались удаляющиеся шаги, Осли что-то сказал, остальные засмеялись, и наконец все стихло.

Мэтью сидел на мостовой, отирая лицо рукавами. Живот крутило. Ярость и стыд жгли изнутри так, словно он сидел под палящим полуденным солнцем. Голова болела немилосердно, глаза слезились. В конце концов его вывернуло «староадмиральским» элем и съеденным на ужин сальмагунди. Мэтью

пришло в голову, что сегодня он проведет немало времени над умывальным тазом.

Наконец, спустя чуть ли не час, он сумел встать и подумать о том, как добраться домой. До его ночлега на Бродвее, рядом с гончарной мастерской Хайрама Стокли, идти было добрых двадцать минут. Долгих двадцать минут зловония. Но ничего не поделаешь, идти-то надо. Мэтью отправился в путь, kloкоча от ярости, пошатываясь и смердя, в самом скверном расположении духа. Сыскать бы теперь лошадиную поилку и залезть в нее целиком. Очистить лицо и мысли.

И что завтра? Неужто он опять наберется наглости, затаится в тени у приюта на Кинг-стрит и будет ждать, когда Осли задумает навеститься в кабак или игорный дом? А потом вновь начнет слежку, уповая... на что? Не лучше ли остаться дома, смириться с досадным фактом, что Осли прав: у него нет абсолютно никаких доказательств и едва ли они когда-нибудь появятся? Но сдаться... сдаться означает предать всех. Отречься от цели, от причины своего священного гнева, от благодарной миссии, которая так отличает его от прочих жителей этого города и стала смыслом его существования. Кто он такой без этой миссии?

Я обыкновенный секретарь — и по совместительству уборщик гончарной мастерской, думал Мэтью, шагая по безмолвному Бродвею. Простой юноша, ловко орудующий пером и шваброй, чей разум истерзан видениями о насилии и несправедливости над невинными душами. Именно это заставило его три года назад, в городе Фаунт-Ройал, возразить судье Вудворду — своему наставнику, практически отцу — и заявить, что Рейчел Ховарт невиновна в колдовстве. Не это ли его решение свело больного судью Вудворда в могилу? Возможно. Мысль сия тоже терзала Мэтью, бесконечно стегала его душу раскаленным хлыстом во все часы его бодрствования, освещаемые солнцем или свечою.

Поилка для лошадей нашлась возле церкви Троицы, на пересечении Уолл-стрит и Бродвея. Здесь крепкая бульжная мостовая, выложенная голландцами, заканчивалась и начиналась обыкновенная, хорошо утоптанная английская земля.

Опустившись на колени возле поилки и плеснув в лицо грязной воды, Мэтью едва не разрыдался. Но для рыданий нужны были силы, а силы у него кончились.

Завтра будет завтра, верно? Новое начало, так ведь говорят? Какие перемены принесет новый день — никому не известно, но одно останется неизменным, это точно, — его желание привлечь Эбена Осли к ответственности за зверские преступления против невинных детских душ. Это непременно нужно сделать, иначе... Иначе все бессмысленно, благородная цель ляжет неподъемным ярмом на его шею, и он прогнется, не сдюжит, молча примет то, что всегда казалось неприемлемым.

Наконец Мэтью привел себя в более-менее подобающий вид и мог идти домой (хотя по-прежнему выглядел как кошмар оборванца). Картуз при нем, уже славно. И жизнь при нем, а это еще лучше. Значит, можно расправить плечи, подумав о хорошем и отправиться дальше по улицам ночного города — в полном одиночестве.

ГЛАВА 2

В то солнечное утро хозяева дома жизнерадостно щебетали о предстоящем дне, не догадываясь о ночных злоключениях Мэтью, его головной боли и расстройстве желудка. Он стойко помалкивал о своих страданиях, пока Хайрам Стокли с женой Пейшенс хозяйничали на солнечной кухне белого домика, позади гончарной лавки.

На тарелке у Мэтью лежали кукурузные оладьи и кусок солонины; в любой другой день он почел бы эту еду за лакомство, однако сегодня невеселые думы мешали ему насладиться завтраком в полной мере. Стокли были славные и добрые люди, да и с комнатой над гончарной лавкой ему очень повезло. В обязанности Мэтью входило убирать мастерскую и помогать с обжигом — в меру своих ограниченных способностей, конечно. У хозяев было два сына: один — капитан торгового судна, второй — лондонский счетовод. Мэтью видел, что мистер и миссис Стокли по ним скучают, и им приятно разделить с кем-то трапезу.

Впрочем, третий член семьи явно приметил неладное. Быть может, Сесилии, домашней свинке, пришлось не по душе ветчина на тарелке Мэтью — столь воинственно она его обнюхивала. Гнев ее был вполне понятен, учитывая, что Мэтью орудовал ножом и вилкой над ее родственником. Казалось бы, за два года изнеженной жизни в доме Стокли она могла бы привыкнуть к каннибальским замашкам хозяев и понять, что на ветчину ее, умную и славную свинку, не пустят. Однако она так хрюкала, бодала его колени рылом и в целом вела себя столь странно, что Мэтью невольно задался вопросом: а весь ли конский навоз он смыл? Вчера, пыхтя над умы-

вальником, он едва не стер себе кожу сандаловым мылом, но, быть может, талантливый пяточок Сесилии все же обнаружил подозрительную нотку.

— Сесилия! — окрикнул Хайрам дородную девицу, когда та особенно сильно ткнула Мэтью носом в правую коленную чашечку. — Да что с тобой такое?

— Боюсь, это мне неизвестно, — последовал ответ Мэтью, догадавшегося, впрочем, что Сесилия вспоминает привольную юность в свинарнике. Несмотря на чистые брюки, сорочку и чулки, он явно источал некий знакомый ей аромат.

— Неймется ей. — Пейшенс, крупная и могучая женщина с седыми волосами, убранными под голубой ситцевый чепец, сидела возле очага и раздувала мехами огонь под сковородкой. — Блажь на свинью нашла.

Хайрам — белобородый здоровяк под стать жене, со светло-кариими глазами цвета глины, с которой он работал не покладая рук, — глотнул чаю. Сесилия сделала круг по кухне, а затем вновь залезла под стол и с фырканием ткнулась Мэтью в колено.

— Помнишь, она так же чудила за два дня до пожара? А ну как беду пророчит?

— Вот уж не думал, что Сесилия у нас предсказывает будущее. — Мэтью отодвинулся от стола, однако свинка продолжала тыкаться в него рылом.

— Ты ей по душе, — посмеялся Хайрам. — Может, она чего сказать тебе хочет, а?

Опоздала на денек, подумал Мэтью.

— Я тут вспомнила, — тихо проговорила Пейшенс, вновь приступая к работе, — как к нам в последний раз доктор Годвин захаживал. За тарелками. Припоминаешь, Хайрам?

— Доктор Годвин? — Хайрам немного сощурился. — Хмм.

— А при чем тут Годвин? — спросил Мэтью, чувствуя, что ему, вероятно, полезно будет это знать.

— А! Пустяки. — Хайрам глотнул чаю и принялся за последний оладушек.

— Видно, не совсем уж пустяки, — вставил Мэтью, — раз вы это помянули.

СОДЕРЖАНИЕ

КОРОЛЕВА БЕДЛАМА

Часть первая. Масочник	7
Часть вторая. Безумие	169
Часть третья. Послание	321
Часть четвертая. Методы убийства	531

НОЧНАЯ СКАЧКА

<i>История о Мэтью Корбетте</i>	655
---------------------------------------	-----

Маккаммон Р.

М 15 Королева Бедлама : роман / Роберт Маккаммон ; пер. с англ. Е. Романовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 704 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-19028-3

«Сказано: чем клясть темноту, лучше зажги свечу. Однако летом 1702 года в городе Нью-Йорке без проклятий не обходилось, ибо свечи были малы, а темнота велика». Итак, добро пожаловать в колониальный Нью-Йорк, еще недавно бывший голландским поселением Новый Амстердам. Город — все 5000 жителей — с волнением ожидает прибытия нового губернатора (по слухам, близкого родственника ее величества королевы Англии). А Мэтью Корбетту, секретарю мирового судьи, не дает покоя загадка серийного убийцы по прозвищу Масочник. И похоже, что ключ к его личности хранит живущая в далеком приюте для умалишенных пожилая леди, известная как Королева Бедлама...

«Увлекательный исторический детектив от автора, который мог потягаться на его поле с самим „королем ужасов“ Стивеном Кингом» (*Publishers Weekly*) публикуется в новом переводе. Также в книгу входит впервые издающаяся повесть «Ночная скачка», действие которой происходит вскоре после событий «Королевы Бедлама».

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ МАККАММОН
КОРОЛЕВА БЕДЛАМА

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.11.2021. Формат издания $60 \times 90 \frac{1}{16}$.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 44.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABB-Z7718-01-R